

Первая любовь — эпизод 6 из 25

Мой отец всегда одевался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мне более стройной, никогда его серая шляпа не сидела красивее на его едва поредевших кудрях.

Я направился было к Зинаиде, но она даже не взглянула на меня, снова приподняла книгу и удалилась.

женщиной весьма вульгарной (франц.).2

гадкие денежные дела (франц.).3

Парижанин (франц.).4

Что я для нее? (франц.).

Целый вечер и следующее утро я провел в каком-то унылом онемении.

Помнится, я попытался работать и взялся за Кайданова но напрасно мелькали передо мною разгонистые строчки и страницы знаменитого учебника. Десять раз сряду прочел я слова: Юлий Цезарь отличался воинской отвагой не понял ничего и бросил книгу. Перед обедом я опять намадился и опять надел сюртучок и галстух.

Это зачем? спросила матушка. Ты еще не студент, и бог знает, выдержишь ли ты экзамен. Да и давно ли тебе сшили куртку? Не бросать же ее!

Гости будут, прошептал я почти с отчаянием.

Вот вздор! какие это гости!

Надо было покориться. Я заменил сюртучок курткой, но галстуха не снял.

Княгиня с дочерью явилась за полчаса до обеда; старуха сверх зеленого, уже знакомого мне платья накинула желтую шаль и надела старомодный чепец с лентами огненного цвета. Она тотчас заговорила о своих векселях, вздыхала, жаловалась на свою бедность, канючила, но нисколько не чинилась: так же шумно нюхала табак, так же свободно поворачивалась и ерзала на стуле. Ей как будто и в голову не входило, что она княгиня. Зато Зинаида держала себя очень строго, почти надменно, настоящей княжной. На лице ее появилась холодная неподвижность и важность и я не узнавал ее, ее узнавал ее взглядов, ее улыбки, хотя и в этом новом виде она мне казалась прекрасной. На ней было легкое барежевое платье с бледно-синими разводами; волосы ее падали длинными локонами вдоль щек на английский манер; эта прическа шла к холодному выражению ее лица. Отец мой сидел возле нее во время обеда и со свойственной ему изящной и спокойной вежливостью занимал свою соседку. Он изредка взглядывал на нее и она изредка на него взглядывала, да так странно, почти враждебно. Разговор у них шел по-французски; меня, помнится, удивила чистота Зинаидина произношения. Княгиня, во время

стола, по-прежнему ничем не стеснялась, много ела и хвалила кушанья. Матушка видимо ею тяготилась и отвечала ей с каким-то грустным пренебрежением; отец изредка чуть-чуть морщил брови. Зинаида также не понравилась матушке.

Это какая-то гордячка, говорила она на следующий день. И подумаешь чего гордиться *avec sa mine de grisette*!1

Ты, видно, не видала гризеток, заметил ей отец.

И слава богу!

Разумеется, слава богу... только как же ты можешь судить о них?

На меня Зинаида не обращала решительно никакого внимания. Скоро после обеда княгиня стала прощаться.

Буду надеяться на ваше покровительство, Марья Николаевна и Петр Васильич, сказала она нараспев матушке и отцу. Что делать! Были времена, да прошли. Вот и я сиятельная, прибавила она с неприятным смехом, да что за честь, коли нечего есть.

Отец почтительно ей поклонился и проводил ее до двери передней. Я стоял тут же в своей куцей куртке и глядел на пол, словно к смерти приговоренный. Обращение Зинаиды со мной меня окончательно убило. Каково же было мое удивление, когда, проходя мимо меня, она скороговоркой и с прежним ласковым выражением в глазах шепнула мне:

Приходите к нам в восемь часов, слышите, непременно...

Я только развел руками но она уже удалилась, накинув на голову белый шарф. с ее внешностью гризетки (франц.).

Ровно в восемь часов я в сюртуке и с приподнятым на голове коком входил в переднюю флигелька, где жила княгиня. Старик-слуга угрюмо посмотрел на меня и неохотно поднялся с лавки. В гостиной раздавались веселые голоса. Я отворил дверь и отступил в изумлении. Посреди комнаты, на стуле, стояла княжна и держала перед собой мужскую шляпу; вокруг стула толпилось пятеро мужчин. Они старались запустить руки в шляпу, а она поднимала ее кверху и сильно встряхивала ею. Увидевши меня, она вскрикнула:

Постойте, постойте! новый гость, надо и ему дать билет, и, легко соскочив со стула, взяла меня за обшлаг сюртука. Пойдемте же, сказала она, что вы стоите? *Messieurs*1, позвольте вас познакомить: это мсьё Вольдемар, сын нашего соседа. А это, прибавила она, обращаясь ко мне и указывая поочередно на гостей, граф Малевский, доктор Лушин, поэт Майданов, отставной капитан Нирмацкий и Беловзоров, гусар, которого вы уже видели. Прошу любить да жаловать.

Я до того сконфузился, что даже не поклонился никому; в докторе Лушине я узнал того самого черномазого господина, который так безжалостно меня

пристыдил в саду; остальные были мне незнакомы.

Граф! продолжала Зинаида, напишите мсьё Вольдемару билет.

Это несправедливо, возразил с легким польским акцентом граф, очень красивый и щегольски одетый брюнет, с выразительными карими глазами, узким белым носиком и тонкими усиками над крошечным ртом. Они не играли с нами в фанты.